Феликс Кохрихт

Рыбка по имени Хрущик

В этот день мне вспомнилась другая дата – 24 января 1993 года, когда мы готовились ко встрече с Хрущом на его юбилее. Нетрудно подсчитать, что ему исполнилось 50. Была собрана и развернута выставка работ нашего Валика, но он... Он так и не приехал. Причины? Мы не стали их выяснять – Хрущ не любил отвечать на прямые вопросы.

Как тут не вспомнить великого философа Григория Сковороду, однажды промолвившего: «Мир ловил меня, но не поймал...».

Поймать Хрущика... Это была непосильная задача, которая, увы, решилась сама собой.

Тогда, 20 лет назад, я опубликовал в газете «Слово» эти заметки, которые, надеюсь, будут интересны и сегодня.

Что до фотографии, то на ней Валентин запечатлен таким, каким мы его знали. Несомненно, это Одесса и, может быть, вы узнаете место, где он прогуливался, судя по всему, осенью.

Автор снимка мне не известен.

Если вы ждали его, он не приходил. Появлялся же внезапно, не всегда радуя этим, разрушая ритм семейного вечера или рабочего утра своих друзей. До сегодняшнего дня я считал феноменальную непринужденность Валентина Хруща одной из самых досадных его черт. Но вот понял, что за этим стоит не чудаковатость талантливого человека, а полное несовпадение, как говорится в фантастических романах, наших пространственно-временных континуумов. Первым, я думаю, понял это Андрей Тарковский, который в один из приездов в Одессу побывал у Хруща дома и сразу же угадал в нем – жилище Сталкера. А затем многое перенес на экран, создав инте-

рьер и сюрреалистический и, казалось бы, обыденный, полный самых привычных домашних вещей. Впрочем, все это мы видели – и в фильме, и на чаепитиях у Валика...

И в кино, и в жизни, и в живописи эти художники – и Тарковский, и Хрущ – выстраивают кадр с такой тщательностью, как будто бы от этого зависит, по крайней мере, судьба того, что мы привыкли называть Зона, вкладывая в это понятие каждый свой смысл. Приглядитесь, как Хрущик размешивает краски, как ладит холст, как красит, строгает щепочку. Эти мгновения и есть его планетарное время, а все остальное – время относительное.

Но Тарковский – человек Москвы, Хрущик же – Одессы. Поэтому Зона, в которой он шурует, выглядит иначе: в ней светит солнце, шумит теплое море, поют птицы. В ней пьют терпкое бессарабское вино. В ней плавают рыбки. Не аквариумные, изнеженные, а тугие, шустрые, смышленые. Им ничего не стоит сплавать до Босфора... Хрущу, я это знаю, всегда очень хотелось побывать там. Побродить по стамбульскому базару, порыться среди джезвочек, подсвечников, а главное – в старом железе, в столярных инструментах, в которых он знает особый толк. Сегодня Валентин Хрущ вполне может себе это позволить, но, человек гордый, предпочел бы это делать именно тогда, когда его никуда не пускали.

Думаю, именно средиземноморская Рыбка является тотемным, родовым символом Хруща, доставшимся ему от предков. На выставке, посвященной его пятидесятилетию, которая экспонировалась в Одесском музее современного искусства фирмы «Тирс», было немало работ, посвященных рыбкам. Но, конечно же, не ими одними знаменит художник, которому удалось совершить доступное не многим его коллегам, – создать свою манеру и свою школу.

Более того, он, практически отторгнутый от Одессы тогдашним руководством Союза художников, уже в довольно зрелом возрасте не только не затерялся в Москве, но и стал весьма известен. Его работы сегодня экспонируется в музеях Австрии, Швеции, Канады, в культурном центре ЮНЕСКО (Париж), участвуют в знаменитых мировых аукционах.

Искусствоведы рассуждают о феномене Хруща, которому подвластны классический натюрморт и спонтанная абстракция, изысканный портрет и огромное декоративное панно, коллаж и виртуозная резьба по дереву.

На открытие выставки собралось много народа, пришли и те, с кем состоялись одесские годы Хрущика – его друзья, ученики, поклонницы, коллекционеры, журналисты. Все мы ждали, что он приедет на свой юбилей, – ведь обещал, звонил из Москвы... И, конечно же, не приехал. Вот тогда я вздохнул с облегчением: Хрущик в полном порядке.

Фото Натальи Евстратовой

